

Илья Новак

Ради всех грехов мира

*Часть сборника
Книга дракона (сборник)*

Герои уничтоженных империй

Илья Новак

Ради всех грехов мира

«Автор»

2005

Новак И.

Ради всех грехов мира / И. Новак — «Автор», 2005 — (Герои уничтоженных империй)

«Человек упал из облаков. Зацепив такелаж, прокатился по наклонной крыше штурманской рубки и свалился на палубу. Он сильно ударился головой. Некоторое время лежал неподвижно, наконец пришел в себя, попытался встать – и не смог. Сквозь разрыв в облаках на палубу легли косые солнечные лучи. Человек содрогнулся, упираясь в доски ладонями, кое-как выпрямился и замер на широко расставленных ногах. Посмотрел влево, вправо. Лицо его исказилось от ужаса и непонимания...»

Илья Новак

Ради всех грехов мира

Человек упал из облаков. Зацепив такелаж, прокатился по наклонной крыше штурманской рубки и свалился на палубу. Он сильно ударился головой. Некоторое время лежал неподвижно, наконец пришел в себя, попытался встать – и не смог.

Сквозь разрыв в облаках на палубу легли косые солнечные лучи. Человек содрогнулся, упираясь в доски ладонями, кое-как выпрямился и замер на широко расставленных ногах. Посмотрел влево, вправо. Лицо его исказилось от ужаса и непонимания.

Круглое и яркое сверху было солнцем, а темное и твердое под ногами – досками, но он не помнил своего имени!

Часть названий осталась, а вот имена исчезли. Он – человек. Мужчина. Но имя?..

Кто я? Первые Духи, да кто же я?! Где нахожусь? Что вокруг?

Вскрикнув, он посмотрел вверх. Там была лишь сплошная рыхлая белизна. Дул сильный ветер, облака бурлили. Вот у горизонта образовался разрыв, мелькнул красный шар – солнце садилось.

Он что, свалился сюда прямо с неба? Но как такое может быть? Ради всех грехов мира! – он не помнил, что за пространство вокруг, как оно организовано, какими законами управляется, но... Но не мог же он ходить по небесам!

Мужчина понимал, что стоит посреди палубы, впереди нос судна, а сзади корма,верху облака... а теперь из них медленно опускается массивная штуковина, название которой... название... Вот, скажем, «штука», «штуковина» – ведь он знает это слово и понимает, что так можно определить некий непонятный предмет – но почему же он не помнит название этого предмета, что плывет над ним, задевая мачтами облачный слой? Почему он знает, что под ногами палуба, над головой небо, а скайва, которая... *Скайва!*

Ныло плечо, голова кружилась. Это хорошо. Значит, он помнит про «плечо» и про «голову» и знает, что такое боль. А это? Серое, мягкое, ворсистое, наверное, теплое... одежда... штаны! И рубаха, рубаха на нем, точно, а под рубахой – загорелая грудь в бесчисленных шрамах.

Среднего роста, обычной внешности крепкий темноволосый мужчина стоял, качаясь, посреди накрененной палубы небольшого *дорингера*. Карие глаза его были выпучены. Он тихо застонал, пытаясь справиться даже не со страхом – с недоумением настолько огромным, что рассудок не мог вместить его. К этому примешивалась обида, неясное ощущение, что его обманули, кто-то сыграл с ним жестокую шутку, лишил чего-то невероятно важного и бросил сюда... Зачем? Он не ведал, что было еще совсем недавно, прямо перед тем мгновением, как он осознал, что стоит на палубе.

Тем временем вынырнувшая из облаков скайва отставала, собираясь, видимо, вновь погрузиться в облачный слой.

– Эй! – просипел мужчина, сам не понимая, к кому обращается, то ли к тем, кто остался на скайве, то ли к команде дорингера.

Дорингер? Почему он решил, что это так называется?

Он прищурился. Да потому что дорингер – небольшой грузовой корабль на одной емкости, а скайва – здоровенная трехмачтовая посудина с хорошим вооружением, и емкостей у нее две.

Мужчина пошел к краю палубы. Его тошнило, кружилась голова.

– Есть кто живой? – прохрипел он.

Дойдя до ограждения, ухватился за планширь и глянул вниз. Там, почти целиком скрытый бортом, тянулся покатым бок надувной емкости, перехваченной сетью тонких канатов. И

земля – далеко-далеко, бледно-зеленая, плоская: с такой высоты не видны возвышенности и низины.

Команда малого эфироплана состоит обычно из десятка человек. Где же они?

– Есть кто? – повторил мужчина.

Тем временем на скайве поняли, что произошло. Отсюда он не мог видеть, как по палубе забегали матросы, как шевельнулись треугольные плоскости торчащих по бокам горизонтальных килей. Нос эфироплана начал опускаться.

Мужчина добрался до бака, обнаружил лежащий у штурвала труп, метнулся к корме – там, пригвожденный к планширю железным крюком с болтающимся обрывком веревки, висел еще один мертвец. Судя по одежде, обычные матросы.

Он забегал по палубе, пытаясь хоть что-нибудь понять. Его сбросили со скайвы, и он свалился на дрейфующий эфироплан? Какая невероятная случайность: упасть точно на палубу небольшого суденышка, которое в этот момент ветра проносили вниз!

Но что он делал на скайве, почему его столкнули вниз? Мужчина сжал зубы, напрягся так, что в ушах загудело, пытаясь всколыхнуть память, поднять из ее глубин воспоминания о прошлом. Нет – удар выбил из головы все, что было раньше. Многие слова он помнил, они всплывали, как пузыри из озера грязи, когда взгляд падал на соответствующий предмет. Но события, те жизненные коллизии, которые привели его на палубу дорингера, – все исчезло.

Главное – он так и не вспомнил своего имени!

Тем временем скайва – пара стянутых канатной сетью емкостей, на которых покоился деревянный корпус, – снижалась. Корпус состоял из палубы и широких вертикальных бортов, емкости были накрыты ими, будто крышкой в форме узкого треугольника. Вдоль нижнего края бортов тянулся ряд железных щитов-противовесов, не позволяющих эфироплану перевернуться. Сзади, похожая на рыбий хвост, виднелась плоскость вертикального киля, горизонтальные же были торчащими по бокам плавниками. Большой эфироплан напоминал плывущую под облаками рыбу с двумя сросшимися брюхами-емкостями. И он приближался наискось сверху, уже видны были жерла огнестрелов на его носу...

Огнестрелы!

Мужчина влетел в штурманскую рубку и схватился за рычаг. Если уходить к земле, скайва неминуемо нагонит; оставался другой маневр, очень рискованный. Он рывком потянул рычаг, под палубой затрещали тросы. Бортовые кили сдвинулись. Нос дорингера приподнялся, палуба накренилась назад.

Покинув рубку, беглец направился к штурвалу, и тут нос скайвы окутался дымом. Прозвучал отдаленный грохот, что-то темное со свистом пронеслось мимо эфироплана. Мужчина, согнувшись и прижав ладони к ушам, брел дальше. Второе каменное ядро врезалось в штурманскую рубку, разворотив крышу, упало внутри. Дорингер качнулся, громко скрипнули ванты.

Прижавшись к штурвалу, мужчина оглянулся. На скайве наконец сообразили, каким способом беглец собирается скрыться, и повернули «плавники». Большой эфироплан выровнялся. Это был самый опасный момент – оба корабля оказались на одной высоте. Команда скайвы лихорадочно перезаряжала носовые огнестрелы.

Вцепившись в штурвал, мужчина наблюдал за врагами. На мачте преследователей развевался флаг, золотое на красном, цвета солнца и крови. Матросы закатывали ядра в жерла огнестрелов, другие засыпали в камеры горячий песок. На шканцах женщина в длинных светлых одеждах что-то кричала беглецу, делала какие-то знаки, показывала рукой вниз.

Дорингер приближался к облакам, скайва плыла за ним. Загрохотали огнестрелы. Беглец присел, зажмурившись, – *он не хотел умирать*.

Одно ядро пробило корму и с треском завращалось под палубой. Второе пронеслось почти впритирку к боку емкости. Эфироплан закачался.

Женщина кричала, матросы перезаряжали огнестрелы. Дорингер приблизился к облачному слою: прямо над собой мужчина видел плотную пуховую массу. Конец мачты погружался в нее, будто вспарывая гигантское мягкое брюхо. Скайва начала разворачиваться носом вверх, плывя наискось к облакам, – но она была слишком громоздка, чтобы быстро совершить необходимый маневр и нагнать дорингера.

Вскоре тот целиком погрузился в облака. Через какое-то время скайва тоже исчезла в них. Наблюдатели на мачтах различили смутную тень среди бушующих белых хлопьев, эфироплан поплыл следом, но тень исчезла и больше не появлялась – теперь ветра могли понести беглеца в любую сторону. Скайве пришлось опуститься. Она начала барражировать между землей и небом, дожидаясь, когда малый эфироплан вновь вынырнет из облаков. Несколько матросов постоянно сидели в корзинах на мачтах, пытаясь разглядеть силуэт дорингера в сгущающихся сумерках.

На дорингере было несколько мертвецов, но никого живого. И трюм пуст – судя по обломкам ящиков и вывороченному люку, его содержимое выносили в спешке.

Беглец решил, что это торговый корабль, на который напали пираты. Взяли на abordаж – так это называется? Они захватили дорингер, часть команды убили, часть сбросили вниз. Очистили трюм и бросили эфироплан на произвол судьбы.

В каюте капитана он замер перед висящей на стене картиной в грубой деревянной раме. На холсте было изображение спины, шеи и затылка человека – от поясницы до макушки. В верхней части шеи художник нарисовал что-то серебристое, напоминающее чечевичное зернышко, из которого сквозь голову проросло дерево: ствол, в области затылка разветвляющийся на множество серебряных веточек; все более тонкие, они опутывали мозг... а вернее, нарисовано было так, будто деревце проросло внутри мозга.

Беглец отвернулся. Он не понимал, что означает картина, но от ее вида заломило темя.

Он обыскал каюту, нашел несколько медяков в холщовом мешочке, не замеченном грабителями, и судовый журнал в ящике стола. Стал листать его, ведя пальцем по столбикам цифр и слов. Этот язык он знал. Обычный журнал, ничего особенного – принятый товар, выгруженный товар, суммы. Беглец увидел карту и впился в нее взглядом, пытаясь отыскать название... или имя? Он видел стрелки воздушных течений, очертания земель и слова: Брита, Либерачи, Консуэл. Но как называется этот мир? Ради всех грехов! – почему после падения и удара его сознание удержало в себе многие слова, но имена собственные исчезли? Слова «мир», «пространство» он помнил, но название этого мира... Хотя ведь название – это слово для множеств. Беглец знал, что он мужчина, но «мужчин» много. А имя – слово для одного. Очень часто в нем содержится больше, чем способен понять непосвященный. Он забыл не название – но имя мира, в котором жил.

Беглец покосился на картину, тут же отвел взгляд и коснулся основания затылка. В том месте, где на холсте было изображение серебристого зернышка, пальцы нащупали шрам.

Он долистал журнал до конца, увидев пустые листы, вернулся к началу.

На первой странице стояла подпись и имя капитана: Ахен.

Беглец выпрямился, шевеля губами. Ахен... Нет, он не помнил такого слова, но ему казалось – что-то подобное, похожее сочетание звуков он уже слышал когда-то.

Ему необходимо как-то именоваться, нужно было слово, которое он мог бы соотносить с собой. Без этого он представлялся себе расплывчатым пятном, неопределенным облаком в штанах и рубахе. Значит – Ахен? Да будет так!

Ахен вновь с опаской покосился на картину – она вызывала не только тревогу, всякий раз, когда взгляд задерживался на ней, у основания головы возникала боль, будто туда били железным молоточком. Сглотнув, беглец огляделся. Обычная каюта: узкая койка, круглый иллюминатор, сундук, а на стене... Стараясь, чтобы взгляд не попадал на картину, он снял с крюка короткий палаш в ножнах с ремнем. Рассмотрев оружие, повесил его на пояс.

Дорингер дрогнул. Скрипнули доски, картина на стене качнулась. Ахен выскочил из каюты.

Очутившись на палубе, он увидел, что окутывающая эфироплан облачная масса движется вверх: они быстро опускались. Ахен бросился к корме.

В заднем отсеке он обнаружил станину, на которой был закреплен двигатель. По железному корпусу тянулись спиральные трубки, внутри булькала манна. В корме зияла дыра, оставленная ядром, – округлая каменная глыба валялась под переборкой. Сквозь трещину в горбатом корпусе двигателя выплескивались блеклые синие огни, плыли по воздуху, прилипали к потолку и стенам, впитывались в них и исчезали.

Ахен замер, рассматривая все это. Манна? Топливо, которое питает двигатели эфиропланов, его изготавливают в лабораториях алхимиков...

Он громко произнес:

– Магия.

Слово всколыхнуло воспоминания, будто в глубине озера грязи что-то сдвинулось, темная масса шелохнулась, вспучилась...

– Механическая магия.

Он зажмурился. Казалось, еще немного – и он все вспомнит, в голове даже начали возникать слова, относящиеся не к предметам, которые он видел вокруг, но к чему-то более значительному, очень важному: Великие Цеха... Мертвый... Владыка... Теплый и Холодный... Мир...

Нет, мир – это название пространства. А его имя? Акво... Аквес... Нужно вспомнить имя этого мира, и оно потянет за собой все остальное.

Огни плясали, от дребезжащего двигателя шел жар, тени кружились по полу и стенам. Корпус начал мелко дрожать.

Палуба накренилась еще больше, теперь передвигаться стало трудно. Дорингер опустился уже значительно ниже облачного слоя. Небесный мир потемнел, но на фоне облаков далеко позади виднелся силуэт скайвы, на бортах которой горели белые огни.

Поеживаясь от холодного ветра, Ахен добрался до бака. Далеко внизу что-то происходило. Под дорингером – словно на дне темно-серого воздушного океана, по поверхности которого плыл эфироплан, – тянулись леса, холмы и пустоши. А впереди плясали огни, клубились тени. Беглец не мог понять, что там происходит. Кажется, впереди был город, и с этим городом случилась какая-то беда. Но куда большую тревогу вызывало другое: слева между облаками и землей, далеко-далеко, у самого горизонта тянулась клубящаяся пелена. Она затмила огромный участок пространства и медленно надвигалась на мир.

Ахен оглянулся – белые огни скайвы стали почти неразличимы, она отставала.

Но дорингер падал.

Заглянув в штурманскую рубку, он увидел лишь вывороченные из пазов рычаги да груды обломков – последствия выстрела скайвы.

Наступала ночь. Там, где находился город, забил фонтан призрачных огней. Эфироплан приближался к нему. Ахен решил было, что город объят пламенем, но свет не напоминал зарево. Вот разве что... магический пожар? Или война?

Земля стала куда ближе; хоть и смутно, Ахен мог различить заросли, вершины холмов, изгиб речных берегов. Впереди неистовствовала световая буря. Красные отблески – что-то горело – пробивались сквозь бело-синее мерцание магических пологов.

Из темноты выступила городская стена с проломом, зияющим на месте ворот. Внизу прыгали тени, сновали фигуры, озаренные светом факелов. Ахен различил длинноволосых людей в меховой одежде. Холодную небесную тишину сменили приглушенные крики, треск и гудение пламени. Когда эфироплан миновал стену, беглец оглянулся: белые огоньки скайвы, хоть и очень смутно, все еще виднелись далеко позади.

А потом его вниманием целиком завладело происходящее внизу. Сразу за стеной горело несколько домов, дальше тянулись кварталы, по которым двигались факельные огни. Дорингер опускался. На одной из крыш беглец разглядел фигуру человека – тот стоял, подняв над головой руки, и со всех сторон к нему стягивались желто-красные искры. Они собирались в шар, дрожащий между ладонями мага. С края крыши к фигуре подбирались люди в шкурах. Человек махнул руками, и шар устремился в дикарей, но что произошло дальше, Ахен не разглядел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.